

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Михаил Демьяненко

**Романовы входят в Европу:
внешняя политика
и статусно-ориентированное
поведение в эпоху
Петра Великого**

Препринт М-97/23
**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2023

УДК 94(47).06
ББК 63.3(2Рос)
Д32

Д32 Демьяненко М. А.

Романовы входят в Европу: внешняя политика и статусно-ориентированное поведение в эпоху Петра Великого / Михаил Демьяненко : Препринт М-97/23. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — 36 с. — (Серия прerinтов; М-97/23; Центр исследований модернизации).

На материале эпохи Петра Великого рассматриваются три стратегии накопления и институционализации престижа в Европе раннего Нового времени: династические браки, принятие императорского титула и реформа дипломатического церемониала. Автор полагает, что в результате непреднамеренного взаимодействия данных стратегий произошла трансформация европейского символического пространства и создались предпосылки к формированию современной международной системы, состоящей из суверенных государств.

Информация об авторе: Демьяненко Михаил Алексеевич — аспирант факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге (mdemyanenko@eu.spb.ru).

Введение

В своей предыдущей работе я начал анализировать значимость категорий статуса и престижа для поведения европейских акторов эпохи раннего Нового времени. Моей целью было деконструировать телеологическое представление о реформах как о некотором имманентном процессе, с необходимостью присущем «модерности», и сместить фокус анализа на статусно-ориентированную мотивацию исторических акторов. В качестве эмпирического материала я избрал реформы Екатерины II [Демьяненко 2021].

В настоящей работе я попытаюсь продемонстрировать аналитические возможности категории престижа для объяснения уже не внутренней политики, а внешней на материале царствования Петра I. Теория международных отношений знает несколько попыток построить интерсубъективную категорию престижа в аналитические схемы, дабы избежать чрезмерного редукционизма к материальным ресурсам как основы и цели внешней политики (см. обзор [Kim 2004]). Однако в большинстве случаев в качестве эмпирического материала выбираются события со второй половины XIX века по настоящее время, которые дают критикам основания отрицать внешнеполитическую значимость престижа вовсе [Mercer 2017]. Представляется, что при углублении исторической перспективы результаты могут быть иными и позволят связать внешнеполитические и внутривнутриполитические процессы. Так, Рэндалл Коллинз использует построенную на обширном историческом материале статусно-ориентированную модель для объяснения процессов конструирования этничности, где ключевая роль отводится влиянию внешнеполитического «престижа могущества» государства на закрепление доминирующей роли одной или нескольких этнических групп внутри отдельно взятого общества [Коллинз 2015: 131–195].

Однако целью настоящей работы не является построение некой общей теории влияния престижа на внешнюю политику. Я, скорее, заинте-

ресован в том, как привнесение новых аналитических перспектив позволяет более аккуратно работать с историческим материалом в интересах деконструкции устоявшихся нарративов, которые часто некритически воспроизводятся в более абстрактных моделях, тем самым искажая их. К числу таких нарративов можно отнести представление о том, что многовековой целью внешней политики российского государства было стремление выйти к морям (не будем пока касаться вопроса о том, насколько осмысленна характеристика государства в качестве актора в принципе). В самом общем виде эта интеллектуальная конструкция состоит из трех частей: 1) неудавшаяся Ливонская война Ивана Грозного как первая попытка прорыва к Балтике; 2) неудавшаяся попытка выйти к Черному морю в ходе Азовских походов, а затем успешная Северная война Петра Великого за выход к Балтийскому побережью; 3) успешные войны Екатерины Великой за выход к черноморскому побережью. Все, что было между этими «реперными точками», обычно опускается, но и при ближайшем рассмотрении самих точек данный нарратив оказывается чрезвычайно уязвимым. Например, Ивану Грозному не было никакой нужды воевать за выход к Балтике, поскольку он у него уже был. В экономическом смысле Ливонская война, скорее, велась с целью увеличения земельного фонда для поместных раздач [Филлюшкин 2013: 192–213, 601–622]. Вопрос о степени преемственности внешней политики Екатерины II к политике Петра I требует отдельного рассмотрения, но одного его аспекта я коснусь далее.

Я намерен последовательно рассмотреть три сюжета, относящихся к царствованию Петра I, в которых влияние статусной мотивации и структурных статусных характеристик на поведение агентов в сфере внешней политики было максимальным: 1) заключение династических браков; 2) титулатура; 3) репрезентация включенности в символическое поле средствами дипломатического протокола. Я утверждаю, что значимость изменений во всех трех данных сферах может даже превосходить таковую относительно всех прочих изменений эпохи петровского царствования. Они не только оказались более устойчивыми во временном отношении — практика заключения династических браков с европейскими домами, титул императора и европейский дипломатический протокол останутся с Романовыми вплоть до конца Российской империи, в отличие от большинства прочих петровских нововведений — но и более значимыми в глобальном отношении. Ключевым контекстом изменений во всех рассматриваемых мной далее сюжетах были события Северной войны. Я отнюдь не намерен отрицать ее исключительную геополитиче-

скую значимость, но представляется, что необходимо включить в аналитическую схему влияние военных действий на престиж как дома Романовых в целом, так и самого Петра I в частности. Для этого есть ряд веских оснований.

Во-первых, именно статусная мотивация ведения боевых действий прямо указывалась самими историческими акторами в качестве ключевой¹. Например, как известно, официальным предлогом к объявлению войны с российской стороны послужило оскорбление царского достоинства во время посещения Петром I Риги в ходе Великого посольства [Гузевич Д., Гузевич И. 2008: 81–84]. Сам Петр I в одном из самых эмоциональных документов своего царствования — письма царевичу Алексею в день похорон его супруги — указывал на войну как ключевой источник престижа и потому главное занятие монарха:

...Паче же всего о воинском деле ниже слышать хочешь, чем мы от тьмы к свету вышли, и которых не знали в свете, ныне почитают <...> Думаешь ли, что многие не ходят сами на войну, а дела правятся? Правда, хотя не ходят, но охоту имеют, как умерший король Французский (Людовик XIV. — *М. Д.*), который немного на войне сам бывал, но какую охоту великую имел к тому и какие славные дела показал в войне, что его войну театром и школою света называли [цит. по Павленко 2008: 66–67].

Во-вторых, престиж, добытый на поле боя, требовалось закрепить в институционализированных формах — конкретные механизмы этого процесса необходимо описать и объяснить. Если бы военные победы конвертировались в престиж напрямую, без всякой прочей символической работы, то наибольшим его объемом на европейском пространстве в рассматриваемую эпоху должны были бы обладать султаны Османской империи. Данными институционализированными формами и были династические браки, титулатура и дипломатический протокол. В реальности постепенные процессы институционализации престижа сильно взаимно влияли друг на друга, и я буду стараться подчеркивать отдельные переплетения. Однако я не имею здесь возможности к последовательному хронологическому изложению и поэтому рассматриваю данные процессы по отдельности.

¹ Я уже касался этой темы в своей предыдущей работе [Демьяненко 2021: 10–15].

Династические браки

При «взгляде с высоты птичьего полета» можно отметить неуклонно снижающееся между X и XVII веками количество брачных связей между правителями русских и европейских политий Средневековья и раннего Нового времени. Если для периода X–XII веков «из 52 известных браков, которые были заключены русскими князьями с иностранцами... 77 % (40) приходится на браки со странами к западу от Руси» [Федосов, Раффенспергер 2021: 115], то после монгольского нашествия Рюриковичи начинают отдавать однозначный приоритет внутридинастическим бракам². «Татарские» браки русских князей хоть и случались, но были сравнительно немногочисленны — всего их известно шесть, половина из которых приходится на ростовских князей [Рыкин 2003: 35].

По мере постепенной концентрации власти в руках ветви Даниловичей в XIV–XV веках возникает некоторое оживление междинастических брачных контактов. Как известно, Василий I женился на единственной дочери великого князя литовского Витовта Софье в 1390 году. Их дочь Анна вышла замуж за византийского императора Иоанна VIII Палеолога в 1411 году. Внук Василия I Иван III вторым браком сочетался с Софьей (Зоей) Палеолог (племянницей последнего византийского императора Константина XI) в 1472 году [Пчелов 2016].

Однако после свадьбы их дочери Елены Ивановны и Александра Ягеллона в 1495 году внешние брачные контакты русского правящего дома практически полностью прекращаются. Как указывает Рассел Мартин, «в следующем после 1495 года столетии было только четыре свадьбы с иностранцами: Евдокия и царевич Петр (1506), Великий князь Василий III и Елена Глинская (1526), Иван IV и Мария/Кученей Черкасская (1561), Мария Владимировна Старицкая и Магнус, “король” Ливонии (1573). Но эти браки сложно квалифицировать как по-настоящему дипломатические. В каждом из этих случаев иностранный супруг или супруга переселялись в Московию, иногда задолго до женитьбы/замужества» [Мартин 2023: 85].

² Большинство «западных» междинастических браков Рюриковичей приходится на не слишком отдаленные страны, такие как Византия, Венгрия, Польша, Швеция, Померания [Толочко 2013: 89–176]. Знаменитый брак Анны Ярославны с французским королем Генрихом I в 1051 году будет скорее исключением, чем правилом.

В результате русскому правящему дому пришлось выработать сложную процедуру смотра невест, призванную не допустить чрезмерного усиления политического влияния какого-либо московского аристократического семейства за счет брака с правящей династией. Избранницами великих князей московских, а затем русских царей от первой жены Василия III Соломонии Собоуровой и вплоть до первой жены Петра I Евдокии Лопухиной³ становятся представительницы средних и низших слоев поместного дворянства [Мартин 2023: 22]. Такой тип брака правителя — женитьба на «не ровне» (*marry down*) — резко отличал поздних Рюриковичей и ранних Романовых от европейских правителей и сближал московских государей с династией Османов [Lieven 2022: 15]. Однако, в отличие от последних, православный брак по умолчанию был моногамным, что значительно увеличивало ряд политических рисков.

Характерные для эпохи высокая детская смертность и женская смертность при родах сами по себе влекли за собой проблемы в деле обеспечения престолонаследия. Это усугублялось тем, что процедура смотра невест могла значительно растянуться во времени из-за неизбежно сопровождавшего ее противостояния различных кланов московской элиты. В результате увеличивался брачный возраст правителя, что естественным образом уменьшало временной промежуток между рождением наследника и его восхождением на московский престол. Так, Михаил Федорович вступил в свой первый бездетный брак в возрасте 26 лет, а во второй — в возрасте 30 лет. Когда он скончался в возрасте 49 лет, «вся династия Романовых состояла только из одного 16-летнего юноши (Алексея, который затем взойдет на трон) и трех его сестер (Ирины, Анны и Татьяны) возрастом 18, 15 и 9 лет. В середине XVII века московский правящий дом состоял из стайки осиротевших подростков» [Мартин 2023.: 275]. Аналогично, после кончины Алексея Михайловича в возрасте 46 лет, его сын Федор взойдет на трон в возрасте 15 лет. В условиях отсутствия в московской политической традиции института регентства [Кром 2010: 603–619] можно сказать, что вся эпоха второй половины XVI — конца XVII века была отмечена постоянной

³ В конкретных обстоятельствах брака Петра и Евдокии много неясностей, связанных с утратой ряда важных исторических источников. Недавно были обнаружены новые свидетельства в пользу того, что брак был заключен без всякой публичной церемонии, едва ли не тайно. Целью этого было сокрытие акта, знаменующего совершеннолетие Петра, от его сестры Софьи [Болотина 2022]. Как в таком случае мог проводиться публичный смотр невест, на который указывает Мартин, неясно [Мартин 2023: 324–329].

угрозой династического кризиса в силу усугубления биологических факторов социальными.

Кроме того, стоит отметить, что система, позволявшая неравнородные браки мужчинам, не распространялась на женских представителей династии. В результате московские царевны были вынуждены или проводить всю свою жизнь в стенах Терема, или уходить в монастырь. Причины подобной «недомобилизации» брачных ресурсов правящего дома были все те же — высокий риск политической дестабилизации в случае чрезмерного сближения какого-либо аристократического рода с московским правящим домом.

Осознавая все отрицательные стороны сложившейся системы, русские цари активно пытались вернуться на европейский брачный рынок. Борис Годунов последовательно пробовал выдать свою дочь Ксению за Густава Эрикссона (сына свергнутого короля Швеции Эрика XIV), сына датского короля принца Ханса и датского герцога Иоганна. Михаил Федорович сватался к Доротее Августе Гольштейн-Готторпской, а затем к Екатерине Бранденбургской. Свою дочь Ирину Михаил Федорович безуспешно пытался выдать за Вольдемара, титульного графа Голштинского и сына датского короля Кристиана IV от морганатического брака [Мартин 2023: 336–340]. Обращает на себя внимание география потенциальных браков — большинство планируемых союзов связаны с Балтикой. Кроме того, можно указать на постепенное снижение со стороны Москвы требований к титулу потенциальных супругов — от принцев и герцогов до, по сути, бастардов.

Однако ключевым барьером были религиозные различия. Последний по-настоящему междинастический брак Рюриковичей — брак Елены Иоанновны и великого князя литовского Александра Ягеллона в 1495 году — является здесь хорошим примером. Брачная церемония, сочетавшая в себе и католический, и православный обряд, прошла с рядом инцидентов. Позднее супруг неоднократно пытался «склонить» Елену к переходу в католичество — в нарушение предварительно обговоренных условий. Учитывая гигантское приданое невесты в размере 61 898 рублей, а также полное отсутствие каких-либо политических дивидендов для московской стороны, данный брак был катастрофической неудачей [там же: 55–64]. В XVII веке конфессиональный барьер был еще дополнительно усилен с русской стороны ввиду внутривнутриполитических последствий Смуты. Баланс сил между духовной и светской властью качнулся в сторону церкви, что нашло свое отражение в появлении такого специфического типа печатной продукции, как чин царской исповеди. Не име-

ющий аналогов в предшествующей русской рукописной традиции «вопросник для царей», помимо прочего, предписывал царскому духовнику узнать у своего подопечного, не выдал ли тот дочь или сестру замуж за иноверца [Корогодина 2009: 329].

Таким образом, беспрецедентный успех династической политики Петра I заслуживает самого пристального внимания. За время царствования первого русского императора состоялось четыре брачных союза, связавших династию Романовых с европейскими правящими домами⁴. Оценивая «человеческие ресурсы», доступные Петру I внутри его дома за весь период 1689–1725 годов, постфактум (пренебрегая высокой детской смертностью и хронологическими различиями при вступлении в брачный возраст двух ветвей Романовых), необходимо признать, что они были довольно солидными — три племянницы, сын и две дочери⁵.

Сложно сказать, когда конкретно у Петра I оформились планы включить Романовых в европейское династическое пространство. Первое известное мне полуапокрифическое свидетельство подобного рода относится в 1697 году: во время встречи в Митаве с курляндской герцогской четой в ходе Великого посольства Петр I якобы пообещал маленькому наследному принцу Фридриху Вильгельму отдать ему в жены одну из московских царевен [Гузевич Д., Гузевич И. 2008: 85]. Если это так, то Петр I свое обещание сдержал. Однако конкретная реализация династической политики Петра приходится уже на период после Полтавской победы (1709 год). Полтава не только была хронологическим рубежом в смысле принесенного ей престижа, но и совпадала по времени со вступлением потомков царя Ивана V в брачный возраст. Екатерине Иоанновне в 1709 году было 18 лет, ее младшей сестре Анне 16. Организованные Петром I за пятнадцатилетний «постполтавский» промежуток времени браки можно аналитически разбить на две группы по соотношению приносимых ими геополитических и экономических преимуществ к генерируемым ими престижу.

⁴ Я включаю брак старшей дочери Петра I Анны с Карлом Фридрихом Гольштейн-Готторпским в это число, хотя сама свадьба состоялась уже после смерти Петра I, но брачный союз был заключен с согласия первого русского императора.

⁵ В случае браков Прасковьи Иоанновны и Елизаветы Петровны сохраняется неясность. Если брачные союзы с И. И. Дмитрием-Мамоновым и А. Г. Разумовским соответственно и состоялись, то, очевидно, не афишировались, что выводит их за рамки моего анализа, сосредоточенного на престиже, который по определению имеет публичный характер.

Первую группу можно классифицировать как «потенциальный геополитический выигрыш ценой упущенных потенциальных прибылей в престиже». К этой группе относятся женские браки племянниц Петра I Анны Иоанновны (1710 год) и Екатерины Иоанновны (1716 год), а также его старшей дочери Анны Петровны (1725 год). Гендерный фактор важен, поскольку ценность женщин в брачных обменах для рассматриваемой эпохи по умолчанию ниже. В случае Петра I это дополнительно усугублялось еще и тем, что обе его дочери родились до официального заключения им брака с Екатериной, являясь, таким образом, в глазах европейцев незаконнорожденными. Географически эта группа брачных альянсов во многом следует предшествующему вектору матримониальных усилий русских царей — все эти браки «балтийские» (Курляндия, Мекленбург, Шлезвиг-Гольштейн). Поскольку престиж Романовых среди европейских династий был еще невысок, то все женихи были в той или иной степени «проблемными» — обладающими сравнительно невысоким престижем среди европейских домов и страдающими от политических или экономических затруднений⁶. Это усиливало переговорную позицию Петра I и позволяло пренебречь помехами, создаваемыми межконфессиональным барьером, — обе племянницы и дочь Петра I в замужестве оставались православными⁷. Кратко рассмотрим эти браки в хронологическом порядке.

Вассальное герцогство польской короны Курляндия и Семигалия к середине XVII века находилось на подъеме и даже владело заморскими колониями, но Северная война 1655–1660 годов (знаменитый «Потоп») значительно подкосила герцогство. Великая Северная война 1700–1721 годов нанесла еще больший экономический урон, усугубленный эпиде-

⁶ Сюда же можно отнести нереализованные планы Петра I выдать свою старшую дочь Анну за Джеймса Фрэнсиса Эдварда Стюарта — сына Якова II Стюарта и претендента на английский и шотландский престолы. «Старый претендент» очевидно страдал от всех указанных проблем разом [Копелев 2022: 16–17].

⁷ То, что Петр I отнюдь не оставался индифферентным к вопросам вероисповедания внутри своего дома, подтверждается его «инструкцией» к Екатерине Иоанновне: «1. Веру и закон, в ней же родилася, сохрани до конца неотменно. 2. Народ свой не забуди, но в любви и почтении имей паче протчих. 3. Мужа люби и почитай яко главу, и слушай его во всем, кроме вышеписанного. Петр» [цит. по Анисимов 2008: 18]. Браки с «инославными» вызвали сопротивление внутри православной церкви. Местоблюстителю патриаршего престола Стефан Яворский отказался венчать Анну Иоанновну и лютеранина Карла Фридриха. Петру I пришлось заменить его Феодосием Яновским [Курукин 2014: 22].

мией чумы [Berkis 1969]. Поэтому Петру I не составило большого труда выдать свою племянницу Анну за герцога Карла Фридриха. Мнение последнего даже не особенно принималось в расчет — заключение брака было оговорено в русско-прусском договоре о разделе сфер влияния, заключенном в октябре 1709 года. В обмен Петр согласился освободить герцогство от постоя войск и уплаты контрибуций [Курукин 2014: 20–21]. Хотя брак закончился, практически не начавшись (герцог скончался через два месяца после свадьбы), вдовствующая герцогиня пригодилась Петру I непосредственного в Курляндии. Условия брачного контракта Анны использовались российской короной в качестве предлога для постепенного выкупа земель герцога, заложенных им курляндскому дворянству [Полиевкетов 1907: 50].

Вторая племянница Петра I Екатерина Иоанновна была выдана за муж за герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского в 1716 году. Герцог находился в состоянии затяжного конфликта с собственным дворянством, а также имел территориальные претензии на шведский Висмар. Заключенный брачный контракт, по сути, устанавливал русский протекторат над Мекленбургом: Петр I обещал герцогу поддержку в борьбе против дворянской оппозиции, передачу еще не завоеванного Висмара или денежную компенсацию в случае, если его захватить не удастся. Для русских кораблей в мекленбургских портах устанавливался режим порто-франко, а русские войска могли свободно перемещаться по территории герцогства. Русское присутствие в Мекленбурге открывало возможность для осуществления грандиозного инфраструктурного проекта: «...зашла речь и о строительстве системы глубоководных каналов, благодаря которым можно было бы соединить Балтийское и Северное моря в обход Балтийских проливов (Зунд, Большой и Малый Бельт), что наносило чувствительный удар по монополии “зундских пошлин”, собираемых в пользу Датской короны. Строительство канала открывало также перспективы для создания конкурентной торговой магистрали Персия — Каспийское море — Волга — Балтика, по которой в Европу поступали бы товары с Востока» [Копелев 2022: 16]. Этот брак не принес ожидаемых выгод, поскольку присутствие русских войск в Мекленбурге вызывало раздражение соседнего Ганновера, чей курфюрст Георг с 1714 года одновременно являлся королем Великобритании, а также тревожило императора Священной Римской империи Карла VI. В 1717 году имперский суд, опираясь на жалобы мекленбургского дворянства, вынес решение об отстранении герцога Карла-Леопольда от управления, в Мекленбург должны были войти войска сводного «штрафного корпуса»

Нижне-Саксонского имперского округа. В 1719 году дошло до вооруженных столкновений между русскими и имперскими войсками, что вынудило Петра I вывести русские части из Мекленбурга [Ефимов 2017: 178–220].

Третий брак из этой группы — брак Карла Фридриха Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского, племянника шведского короля Карла XII и старшей дочери Петра I Анны. Брак долгое время находился в «подвешенном» состоянии — герцог прибыл в Санкт-Петербург в 1721 году, в то время как брачный контракт был подписан только в 1724 году. Поддержка притязаний Карла Фридриха на оккупированную Данией северную территорию герцогства напрямую сталкивала Россию как с Данией, так и с поддерживающими ее Британией и Францией. Однако возможный выигрыш был так же велик. Установление контроля над Шлезвигом позволяло вернуться к проекту постройки канала, связывающего Балтийское и Северное моря [Копелев 2022: 18]. Кроме того, «при благоприятных условиях [Карл Фридрих] и его потомки могли выступить в качестве претендентов на шведский престол. Если бы это произошло, а кроме того, удачно сложилась семейная жизнь и у царских племянниц, все Балтийское море было бы окружено романовскими родственниками и создавалась бы особая “балтийская” семья монархов, центральное место в которой занимал бы российский императорский дом» [Пчелов 2022: 65].

Уже после смерти Петра I в 1726–1727 годах дело едва не дойдет до вооруженного конфликта между Российской империей и Данией за возврат герцогу Карлу Фридриху его владений. Активная подготовка к войне, помимо помощи родственнику, мотивировалась и статусными соображениями. Екатерина I давила на своего канцлера Головкина, утверждая, что «пошлет [корабли] в море <...> хотя бы уж для того одного, чтоб за границей не думали, что правление женщины будет непременно слабым; она намерена показать, что ни в чем не уступит самому могущественному монарху» [цит. по Курукин 2016: 302]. Позиция князя Меншикова и смерть Екатерины предотвратили эскалацию конфликта — занятому династическим кризисом русскому двору будет не до войны на Балтике.

Здесь стоит сделать отступление и упомянуть, что окончательным могильщиком проекта по превращению Балтийского моря в «романовское озеро» выступила Екатерина II, которой в российском историческом нарративе традиционно отводится место продолжательницы геополитических проектов Петра I. Во-первых, сам организованный Екатериной переворот против сына вышеупомянутого Карла Фридриха, Петра III, временно (до воцарения Павла Петровича) устранял perso-

нальную унию между Российской империей и герцогством Шлезвиг-Гольштейн, с последующей перспективой династической войны за шведский престол. Во-вторых, то, что Павел обладал владениями за пределами Российской империи, немедленно создало внешнеполитические проблемы. Летом 1762 года датский король в качестве ближайшего родственника Павла Петровича по мужской линии выдвинул претензии на осуществление опекуна над несовершеннолетним Павлом как голштинским герцогом. В столицу герцогства Киль прибыл датский посланник, требовавший допустить его до управления делами. Екатерине пришлось прибегнуть к посредничеству императора Священной Римской империи для юридического установления своего опекуна над Павлом, взамен обязавшись поддерживать сторону императора в рейхстаге голштинским голосом [Чечулин 1896: 111–116]. После совершеннолетия Павла императрица прибегла к серии территориальных обменов, уничтожая автономную территориальную базу своего наследника и окончательно лишая российский императорский дом контроля над территориями, по которым позднее пройдет Кильский канал⁸. В 1773 году в обмен на Шлезвиг-Гольштейн Павел получал северогерманские графства Ольденбург и Дельменхорст, которые через четыре года «подарил» Фридриху Августу I — своему старшему родственнику (брат матери Екатерины II Иоганны)⁹. Заслуживает удивления, что этот сюжет не представлен даже в работах историков, критически настроенных по отношению к внешней политике Екатерины II [Kamenskii 2019], хотя он заставляет задуматься о степени преемственности внешнеполитической линии Петра I и Екатерины II, а также о влиянии династического фактора на внешнюю политику рассматриваемого периода.

Таким образом, женские браки, заключенные Петром I, имели отчетливый «геополитический» характер, а переговорная позиция русской стороны была заведомо более сильной благодаря как физическому присутствию русских войск в Северной Германии, так и внутренним

⁸ Единственным клочком голштинского наследства в распоряжении Павла Петровича осталось право вручать династическую награду голштинских герцогов — орден Святой Анны (названный в честь Анны Петровны). Орден войдет в общую наградную систему Российской империи в день коронации Павла в 1797 году. [Шишков 2003: 295–299].

⁹ В результате урегулирования «готторпского вопроса», по мнению датского историка Ханса Баггера, «Дания фактически превратилась в подручную России, внешняя политика которой определялась в Санкт-Петербурге», но ученый не приводит никаких доказательств этого тезиса [Баггер 2017: 106].

проблемам контрагентов. Однако о единственном браке из второй группы — браке царевича Алексея с Шарлоттой Кристиной Брауншвейг-Вольфенбюттельской, заключенном в 1711 году, — всего этого сказать нельзя. Этот брачный альянс не приносил Романовым каких-либо дивидендов в дипломатическом, территориальном или экономическом ключе, а имел смысл сугубо в логике накопления символического капитала — важны были династические связи Шарлотты сами по себе. Ее старшая сестра Елизавета Кристина Брауншвейг-Вольфенбюттельская в 1708 году вышла замуж за Карла, младшего сына императора Священной Римской империи Леопольда I и претендента на испанский престол со стороны Габсбургов в ходе войны за испанское наследство (1701–1714 годы). После смерти его старшего брата Иосифа I в 1711 году Карл был избран императором под именем Карла VI. Таким образом, брак Алексея Петровича с Шарлоттой делал представителей русского правящего дома «свойственниками» династии Габсбургов. Уместно задать вопрос: каким образом Петру I удалось организовать брак, связывающий Романовых, являвшихся *parveni* на европейской династической арене, с одним из самых могущественных правящих домов Европы?

Имели значение два фактора. Первым из них был все тот же престиж победителя под Полтавой 1709 года, который Петр I стремился конвертировать в более стабильные формы брачных альянсов с максимально возможной скоростью. Идея брака Алексея и Шарлотты впервые возникает еще в 1707 году, но процесс тронулся с места только после 1709 года [Павленко 2008: 42]. Вторым фактором были связи Петра I с польским королем и саксонским курфюрстом Августом II (он же Август Сильный; в Саксонии правил как Фридрих Август I).

В историографии образ Августа II устойчиво связан с его сексуальными успехами и военными провалами¹⁰. Иногда этот наполовину комичный, наполовину трагический образ «героя-любownika» и «политического неудачника» дополняется образом «патрона искусства». Именно Август основал знаменитую Дрезденскую картинную галерею, и при нем в Саксонии было развернуто первое в Европе производство фарфора (Мейсенская мануфактура) [Ивонина 2020: 74–138]. Однако практически не уделяется внимания институциональному положению Августа II внутри Священной Римской империи. Будучи наследственным членом

¹⁰ Наиболее прямолинейно высказался Норман Дэвис: «Большинству политических авантюров Августа Сильного не удалось достичь цели, в отличие от его сперматозоидов» [Davies 2005: 374].

коллегии курфюрстов, выбиравших императора, правитель Саксонии был по праву рождения обладателем еще трех важнейших имперских должностей. Во-первых, это чин имперского великого маршала (нем. Reichserzmarschall) — именно в этом качестве Август неудачно возглавлял имперские войска против турок на завершающем этапе Войны Священной лиги (1683–1699 годы) до своей замены Евгением Савойским. Во-вторых, это чин имперского викария (нем. Reichsverveiser). Институт имперского викариата можно приблизительно описать как «коллективное регентство». Во время выборов императора (*interregnum*), а также в период его болезни или длительного отсутствия курфюрст саксонский и пфальцграф (после Тридцатилетней войны тоже курфюрст) Пфальца замещали императора в восточной и западной частях империи соответственно. В-третьих, курфюрст саксонский был наследственным главой *Corpus Evangelicorum* — объединения имперских протестантов в рейхстаге, учрежденного после Тридцатилетней войны [Stollberg-Rilinger 2018: 31–32, 119]. Несмотря на то что Август II перешел в католичество, чтобы занять польский престол, он формально оставался главой *Corpus Evangelicorum*, что вызвало ряд конфликтов с Пруссией и Ганновером [Полиевкетов 1907: 190–191]. Таким образом, независимо от своих личных качеств, Август II по праву рождения занимал ряд ключевых постов в институциональной структуре Священной Римской империи. Кроме того, он был лично обязан Петру I за его поддержку как при первых выборах польского короля в 1697 году, так и в повторном занятии польского престола после изгнания Станислава Лещинского в 1709 году. В совокупности все это делало его идеальным брокером в матримонильных планах Петра I.

Будущая супруга царевича Алексея Шарлотта воспитывалась при дворе жены Августа II Кристианы Эбергардины Бранденбург-Байрейтской. В 1709 году в Дрезден по распоряжению Петра I отправился царевич Алексей. В 1711 году было получено согласие на брак, который был заключен в саксонском городе Торгау в том же году [Павленко 2008: 42–48]. Помимо организации брака, Август II взял на себя и финансовую сторону мероприятия, хотя никто из вступающих в брак не принадлежал к дому Веттинов: «...расходы на свадьбу, включая дорожные расходы царя, в размере 17 747 талеров покрыли из казны саксонского курфюршества» [цит. по Шиппан 2021: 121]. Ключевой особенностью этого брака, помимо обширных родственных связей Шарлотты, было вероисповедание невесты. Согласно брачному контракту она оставалась лютеранкой и могла держать в Санкт-Петербурге лютеранскую церковь для религи-

озных нужд своего двора. Это делает брак Шарлотты и Алексея редким случаем в истории династии Романовых, которые далее не заключали межконфессиональных браков по мужской линии вплоть до морганатического брака Константина Павловича на польской графине Иоанне Грудзинской в 1820 году [Пчелов 2022: 163–167]. Это также делает Шарлотту первой «инославной», похороненной в соборе Петропавловской крепости — вероятно, по личному распоряжению Петра I [Логунова 2011: 70]. Как уже было отмечено выше, нельзя сказать, что Петр I относился индифферентно к вопросу вероисповедания внутри своего дома. Вероятно, в случае брака Шарлотты и Алексея он чувствовал себя находящимся в недостаточно сильной переговорной позиции и предпочел уступить по конфессиональному вопросу, несмотря на внутривнутриполитические риски.

Петр I публично как минимум дважды указывал на престиж, генерируемый браком Шарлотты и Алексея. Первое указание относится непосредственно к семье невесты и к порядку проведения церемонии. В коротком именном указе Правительствующему сенату, отправленном непосредственно в день свадьбы, царь писал:

Господа Сенат! Объявляем вас, что сего дня брак Сына Моего совершился здесь в Торгау, в доме Королевы Польской, на котором браке довольно было знатных персон. Слава Богу, что сие счастливо совершилось. Дом князей Вольфенбютельских, Наших сватов, изрядной [Указ. Именной...].

Второе указание встречается в манифесте 1718 года об отрешении Алексея Петровича от наследства, уже после смерти Шарлотты и возвращения Алексея в Россию из бегства на территорию Священной Римской империи¹¹. В этом чрезвычайно эмоциональном тексте очевидный акцент делается именно на династические связи покойной супруги царевича и урон, нанесенный престижу дома Романовых его действиями:

Мы <...> увещеваниями своими возбудили, чтоб он избрал себе в супружество из знатных чужестранных Государей свойственницу, как инде обыкновенно, також и у предков Наших Российских Государей чинилось, что с другими государями своились, дав ему на волю, где он излобит: и он, улюбя внуку, тогда владеющего Герцога Вольфенбют-

¹¹ По сути, побег Алексея Петровича и оказался возможен благодаря его браку. Царевич бежал к императору как к родственнику.

тельского, а своячину родную Его Величества ныне Государствующего Цесаря Римского, а племянницу Короля Английского, просил Нас, дабы Мы ему оную в жену исходатайствовали, и позволили на ней жениться, что Мы и учинили, не пожалев на сие супружество многих иждивений <...> но однакож он с нею жил в крайнем несогласии <...> на стыд Дому Нашему пред чужестранными Государи, с той супругою его свойственными, в чем великие жалобы и нарекания были [Манифест: 535].

То, что эта династическая связь была важна и для Габсбургов, нашло отражение в ряде дипломатических акций. В браке Шарлотты и Алексея родилось два ребенка — Петр (будущий император Петр II) и Наталья. Имперский посол в Санкт-Петербурге имел инструкцию собирать сведения о воспитании великого князя и его сестры и осведомляться об их здоровье в ходе аудиенций [Полиевкетов 1907: 197].

Резюмируя, нужно отметить, что брачная стратегия Петра I в отношении женских браков может быть охарактеризована как «геополитическая» — в случае удачного стечения обстоятельств дом Романовых контролировал бы поликонфессиональную и мультикультурную территорию, сопоставимую с владениями династии Габсбургов. Потенциальные экономические выгоды от обладания свободным выходом в Северное море через Шлезвиг или Мекленбург также были очень велики. Поэтому применительно к Романовым влияние династической динамики на территориальный контроль — баланс рождений и смертей, брачные союзы, внутридинастические конфликты — ничуть не менее значимо, чем в случае любой другой наследственной монархии раннего Нового времени. Хотя к концу XVIII века из всех территорий, которые Петр I рассчитывал закрепить за собой в результате династических браков, под контролем Романовых оставалась только Курляндия, это не является причиной игнорировать данные сюжеты, исходя из сугубо телеологической перспективы.

Брак царевича Алексея и Шарлотты, несмотря на все драматичные обстоятельства, ему сопутствовавшие, тем не менее принес несомненный символический выигрыш — Романовы вошли в круг европейских владетельных домов. Успеху этого предприятия способствовала фигура брокера — Августа II, занимавшего ряд ключевых позиций в институциональной структуре Священной Римской империи. Однако, если в случае организованных им брачных альянсов Петр I стремился протолкнуть Романовых внутрь Священной Римской империи (кроме «курляндского брака»), то в другом отношении он бросил вызов всей символической структуре как Империи, так и европейского пространства в целом.

Императорский титул

Международные отношения в Европе эпохи раннего Нового времени преимущественно сохраняли свой средневековый иерархически упорядоченный характер. На вершине статусной пирамиды находился император Священной Римской империи, за ним следовали короли, герцоги и т. д. Им соответствовала юридически оформленная иерархия владений — Империя, королевства, герцогства и далее вплоть до сеньорий. Вопреки распространенному мнению, Вестфальский мир 1648 года отнюдь не сформировал какой-то качественно новой системы международных отношений, состоящей из равнопорядковых суверенных государств, поскольку может называться конституционным актом Священной Римской империи с таким же основанием, как и комплексом из двух международных договоров (Мюнстерского и Оснабрюкского соответственно) [Тешке 2011; Куприянов 2019а]. На роль «реперной точки», отмечающей начало трансформации международной системы, куда больше подходит Утрехтский мирный договор 1713 года, завершивший войну за испанское наследство, в ходе подписания которого были предприняты беспрецедентные усилия для демонстрации символического равенства договаривающихся сторон [Bruin et al. 2016]. Таким образом, ко времени прихода Петра I к власти в 1689 году европейская статусная пирамида в общем и целом сохраняла свой традиционный характер, установившийся еще после взятия турками Константинополя в 1453 году, — в христианском мире мог быть только один человек, имеющий право именовать себя императором. Однако и после Утрехтского мира император Священной Римской империи сохранял свое господствующее положение в иерархии европейских правителей, обладая рядом эксклюзивных прерогатив.

Главной из них, если сформулировать ее в наиболее абстрактном виде, была способность к наиболее высокой степени символического переформатирования социального пространства в сопоставлении со всеми другими правителями в Европе. Только император мог даровать титул короля и, соответственно, создавать новые королевства, причем как внутри юридических границ Священной Римской империи, так и за ее пределами. В XVIII веке в качестве примера можно привести дарование императором Леопольдом I королевской короны курфюрсту Бранденбурга Фридриху в 1701 году. В 1772 году император Иосиф II создал на территориях, отторгнутых от Речи Посполитой, королевство Галиция и Лодомерия, которое добавилось к списку королевств, находящихся во владениях династии Габсбургов.

При этом, поскольку королевский титул необходимым образом соотносился с некой географической областью, то император мог манипулировать составом титулатуры, легитимируя или делегитимируя территориальные претензии. В качестве несколько курьезного примера можно привести случай с европейским авантюристом Иоанном Штейнбергом, который в 1550 году распространял слухи о намерении Ивана Грозного заключить католическую унию и напасть на турок в обмен на получение королевской короны из рук императора Священной Римской империи. До сих пор неизвестно, была ли это самодеятельность Штейнберга или непонятная тайная политическая игра русской дипломатии. Вена и Рим не отнеслись к подобным предложениям всерьез, зато переполошилась Польша. В 1553 году в Империю и Ватикан едут посольства из Кракова с требованиями в случае заключения подобного союза дать Ивану Грозному корону не «русского», а всего лишь «московского» короля, при этом католизацию в России должны были проводить польские священники [Филюшкин 2014: 611–612]. Опасения польского правительства были понятны. Получи Иван Грозный королевский титул именно в формулировке «короля русского», это означало бы, что император легитимирует его претензии на восточные территории Речи Посполитой — Великого княжества Литовского, *Русского* и Жемотийского. В случае дарования королевского титула бранденбургскому курфюрсту в 1701 году видна похожая схема. Фридрих III (ставший после коронации Фридрихом I) получил титул «короля в Пруссии» (*нем.* König in Preußen), а не «короля Пруссии» (*нем.* König von Preußen). Вторая формулировка означала бы, что император поддерживает претензии новоиспеченного короля на территории Западной Пруссии, находящиеся в польском владении. Только после первого раздела Речи Посполитой, произошедшего в 1772 году, получивший Западную Пруссию Фридрих II Великий смог трансформировать свою титулатуру желаемым образом.

Будучи монополистом в данном сегменте символического рынка, император мог конвертировать символический капитал в экономический. Император Леопольд I неплохо заработал на своем согласии признать королевский статус вышеупомянутого Фридриха I [Stollberg-Rilinger 2018: 113]. Это также распространялось и на более мелкие титулы уже внутри Империи. Император мог возвести в потомственное достоинство имперского графа или князя (титулярного, а не владетельного с положенным последнему местом в рейхстаге). Разумеется, не бесплатно. Первым среди русских с подобным столкнулся один из ближайших сподвижников Петра I Федор Головин. Как писал ему один из

членов Великого посольства Прокофий Возницин: «Аще изволишь графом быть, я потом приложу здесь радение, только даром не сделать, надобно заплатить». Головин получил свой титул в 1701 году, став первым русским графом [Гузевич Д., Гузевич И. 2008: 567]. Подобная практика схожа с практикой продажи должностей, получившей широкое распространение в Англии, Франции и Испании раннего Нового времени. Однако император, в отличие от королей, мог «торговать престижем» даже за пределами юридических границ своих владений. В раннемодерном обществе, стратифицированном почти исключительно по статусному принципу, подобные прерогативы нельзя недооценивать.

Завоевание статуса, сопоставимого с императорским, было давней мечтой русских государей, начиная с Ивана Грозного. До него, в эпоху Ивана III и Василия III, титул князя и великого князя примерно соответствовал статусу короля, — во всяком случае, именно королевский титул употреблялся ищущими понятный для себя эквивалент дипломатами соседних стран (Швеции, Османской империи), не вызывая возражений со стороны Москвы [Филюшкин 2006: 53–54]. Впрочем, по мере отдаления от русских границ притязания московских правителей находили меньше понимания. Например, во Франции после того, как династия Бурбонов сменила династию Валуа, французские короли обращались к русским правителям как к «великим герцогам» [Гузевич Д., Гузевич И., 2021: 71].

После принятия русскими государями царского титула возникло дополнительное осложнение. Дмитрий Гузевич и Ирина Гузевич называют его «парадигмой Герберштейна» по имени имперского посла в России Сигизмунда фон Герберштейна (был в России дважды — в 1517 и 1526 годах). «Герберштейн провел серьезную филологическую работу, проанализировав использование титулов в различных славянских языках и Библии на старославянском языке. И увидел, что для библейских правителей, которые на латинском имели титул “Rex”, на славянском использовался “Царь”. Но “Rex” — это не “император”, а “король”. Одновременно он четко разграничил термины “царь” (“Czar”), равный королю, и “цесарь” (“Caesar/Kessar”) равный “императору”. И предложил следующую схему, создав настоящую дипломатическую парадигму в отношении России: грамоты на русском с царским титулом — принимать, но отвечать, используя титул “Rex”, а не “Imperatorus”. Тем самым была поставлена верхняя граница в признании царского титула» [там же: 68].

Иногда с европейской стороны по отношению к русским царям все же использовался титул «император», но исключительно в тактических

целях. Особенно часто этим пользовались англичане от королей Якова I и Карла I до Оливера Кромвеля. Это было связано с активной коммерческой деятельностью англичан в России [там же: 69]. Однако на общеевропейском уровне ни о каком массовом и устойчивом во времени признании речь идти не могла. Иногда приходилось довольствоваться даже более низкими титулами. Как известно, подпись Алексея Михайловича под Вестфальским мирным договором 1648 года стояла на одном из последних мест. «Великий герцог Московии» (*magnus dux Muschoviae*) уступил почти всем европейским королям и герцогам, кроме трансильванского князя¹². Ему оставалось довольствоваться тем, что был соблюден хотя бы минимальный этикет и Венецианская республика пропустила «москoviта» вперед — республики в общеевропейской символической иерархии всегда шли после монархий [Acta Pacis Westphalicae; Куприянов 2019б: 13–14].

Учитывая вышеописанные императорские прерогативы, стремление русских царей приравнять свой титул к императорскому помимо статусного имело и инструментальный характер. Во время Ливонской войны (1558–1583 годы) Иван Грозный пытался имитировать прерогативы императора, провозгласив брата короля Дании Магнуса «королем Ливонии», приняв от него клятву верности и женив его на своей племяннице княжне Марии Старицкой [Филюшкин 2014]. Особого успеха, впрочем, эта попытка не имела. Уже в послепетровскую эпоху у русских правителей периодически будут возникать проекты создания зависимых территорий в ранге королевств. Например, знаменитый «Греческий проект» Екатерины II наряду с воссозданием Византийской империи предусматривал и создание буферного королевства Дакии на территории современной Румынии [Гриффитс 2013: 355–356]. Однако реализовать свою власть «творить королевства» Романовы смогут только после Наполеоновских войн, создав на территории бывшего Великого герцогства Варшавского Царство Польское.

Петру I удалось обойти «парадигму Герберштейна» благодаря отказу от попыток настоять на равенстве царского и императорского титулов.

¹² Этот акт могли «вспомнить» в удобных случаях. Находясь в бегах, царевич Алексей писал императору Священной Римской империи, что его отец фантазирует об императорском титуле, подталкиваемый «дурными людьми» — в первую очередь Меншиковым. Царевич осведомлялся о том, в каком положении находится это дело. Ему ответили, что достоинство русского государя определяется согласно Вестфальскому договору [Павленко 2008: 88].

Вместо этого Петр I «надстраивает» над царской и княжеской титулатурой дополнительный уровень в виде нового императорского титула. Царский титул отныне применяется только к владениям, которые раньше принадлежали Чингизидам — Астраханское, Казанское и Сибирское *царства* соответственно [Лиштенан 2021: 450]¹³. Двигаться в этом направлении Петр I начал очень рано, еще с 1689 года, но небольшими шагами — от латинизированной подписи на документах, через знамена гвардейских полков с изображением императорской короны, изготовление медальонов и портретов с соответствующей символикой, трансформацию гербов и т. д. [Гузевич Д., Гузевич И. 2021: 112–172]. В 1721 году, после подписания Ништадтского мирного договора, произошла официальная церемония принятия государем новых титулов — «Императора Всероссийского», «Великого» и «Отца Отечества» соответственно. По своей символической нагрузке она была чрезвычайно комплексной.

Во-первых, присутствует очевидная ориентация на античные римские образцы — императорское достоинство было провозглашено Сенатом¹⁴. Во-вторых, компонента «Всероссийский» заменила предшествующую развернутую формулу «Великая, Малая и Белая Россия». Подобное укрупнение символических единиц, входящих в титулатуру в целом, характерно для начала XVIII века. В 1700 году Филипп V стал первым королем Испании, поставив этот титул выше своих многочисленных королевских титулов Астурии, Кастилии, Арагона и т. д. В 1707 году королева Анна Стюарт учреждает королевский титул Великобритании, поставив его выше королевских титулов Англии, Шотландии и Ирландии. В-третьих, титул «Отца Отечества», помимо римских образцов, отсылал и «к вполне русскому элементу титула русских же иерархов: «отцу отцем». Это давало старообрядцам повод обвинить Петра I в присвоении полномочий патриарха [там же: 141]. В-четвертых, новая титулатура позволила провести иерархическое разграничение и внутри самого дома Романовых. Дочери Петра I и Екатерины стали цесаревнами, дочери царя Ивана сохранили старомосковский титул царевен, а дети покойного царевича Алексея стали великими князьями [Указ. Сенатский...].

По мере постепенного продвижения к императорскому титулу расширялись и возможности Романовых по формированию статусной

¹³ Подобная иерархия была отражена и при похоронах императора. У гроба были размещены четыре короны — императорская и три царских [Логунова 2011: 89].

¹⁴ Первоначально должно было состояться провозглашение от имени Синода, но сенаторы отодвинули «коллег» в сторону [Погосян 2001: 222–226].

иерархии внутри России. Создавая титулярную систему, Петр I наряду с позаимствованными в Прибалтике титулами графа и барона начнет жаловать княжеский титул, который до этого был исключительно наследственным и принадлежал Рюриковичам, Гедиминовичам и Чингизидам. Однако характерно, что большинство пожалований в русские князья почти на всем протяжении XVIII века требовали своеобразного «дубликата» от императоров Священной Римской империи. Князьями обеих империй были Александр Меншиков, Дмитрий Кантемир и Григорий Потемкин. Эта практика сходит на нет только в царствование Павла I, начиная с которого характерен взрывной рост пожалований княжеского титула уже без «двойного визирования» [Любимов 2004].

Европейская реакция на претензии Петра на императорский титул была неоднозначной¹⁵. Первыми в 1721 году его признали «король в Пруссии» Фридрих I, благодаря тем самым за поддержку Петром I признания его королевского достоинства, и Голландская Республика вместе с Вольным имперским городом Гамбургом, заинтересованные в поддержании экономических отношений с Россией. Победенная на полях сражений Швеция признает новый титул в 1723 году. Однако остальные европейские правительства это сделать отказались. Ожидаемо, что наибольшее сопротивление было оказано со стороны Священной Римской империи и Французского королевства. Еще в 1718 году русский двор предъявил имперскому послу письмо императора Максимилиана I к Василию III, где последний именуется “*Kauser und Herrscher*”. Ответ имперского двора не допускал двойных толкований — в Европе может быть только один император [Hennings 2016: 242–243]. Признание со стороны Священной Римской империи будет получено только Елизаветой Петровной в 1742 году и связано с противостоянием императора Карла VII (первого не Габсбурга на императорском троне с 1438 года) и Марии Терезии в ходе Войны за австрийское наследство. Франция окончательно признает императорское достоинство русских государей только в 1772 году, с восхождением на трон Людовика XVI.

Наиболее интересным ходом были действия Великобритании. Как уже указывалось выше, эпизодическая практика именованя русских правителей императорами с английской стороны имела место. В 1708 году королева Анна Стюарт именовала Петра I императором в обраще-

¹⁵ Характерно, что порядок уведомления европейских дипломатов о новом титуле русского правителя тоже следовал устоявшейся иерархии — первым сообщили послу императора Священной Римской империи [Лиштенан 2021: 452].

нии, направленном из-за инцидента с оскорблением в Лондоне русского посла [ibid.: 220–236]. Но в дальнейшем попытки сослаться на этот эпизод в качестве прецедента потерпели неудачу. В 1717 году послы британского короля Георга I доносили ему, что они «постарались разъяснить [москвитам] значение разрисованных и раззолоченных грамот, которые посылаются только в Турцию, Марокко, Китай и другие страны, не озаренные христианством, и не употребляются в обыкновенной корреспонденции, прибавив, что если Царь желает, чтобы на него смотрели как на европейского монарха, ему необходимо довольствоваться оборотами речи, употребляемыми в сношениях с королем французским» [цит. по Гузевич Д., Гузевич И. 2021: 168]. Таким образом, требование смириться с королевским местом в символической иерархии было необходимым условием признания «европейскости» русской монархии. В противном случае русский император мог наслаждаться своим новым статусом как монарх исключительно «азиатский». Похожая символическая конструкция встречалась и ранее. Папский нунций в Вене еще до Полтавы предлагал русскому послу признание за Петром I титула восточного императора («цесаря ориентальского») [там же: 167], что, учитывая все увеличивающиеся отрицательные коннотации понятия «Азия», было неприемлемо. Требовалось изменить характер репрезентации русской монархии в «европейскую» сторону, что повышало шансы в борьбе за место в символической иерархии. Петр I осознавал это и начал двигаться в данном направлении сразу же после возвращения из Великого посольства.

Европеизация дипломатического протокола

Статья «Россия (история)» в «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера открывается следующим пассажем:

До царя Петра Россия по своим обычаям, одежде и нравам была ближе к Азии, чем к христианской Европе, — таковы, например, древние обычаи собирать с народа подати натурой или целиком содержать послов в пути и во время пребывания. Восточная привычка не являться со шпагой в церковь или ко двору прямо противоположена нашему смешному и варварскому обычаю вооружаться для общения с богом, королем, друзьями и женщинами длинным, доходящим до ступней наступательным оружием [Россия (история): 175].

«Энциклопедия» фиксирует один из ключевых параметров, создающий образ страны в эпоху низкой географической мобильности, — характер приема послов — и довольно точно описывает детали, которые вызывали удивление и возмущение европейцев при дипломатических контактах с Россией.

Помимо собственно переговорной функции, дипломатические контакты между монархиями в XV–XVII веках всегда были частью борьбы за место в символической иерархии — послу чрезвычайно важно было не уронить честь своего государя. Имело значение все — порядок встречи послов, численность и характер эскорта, маршрут въезда процессии в столицу и т. д. Русский церемониал в силу географического положения страны был вынужден выработать разные формы ритуала для встречи европейских и «восточных» посольств. На западном направлении основными контрагентами были Швеция, Дания и Речь Посполитая. Иван Грозный не воспринимал шведского и датского королей в качестве равных и всячески стремился это продемонстрировать протокольными средствами. Например, дипломатические контакты со Швецией шли через наместника Новгорода [Юзефович 2011: 17–18, 59]. С Речью Посполитой и Священной Римской империей подобное взаимодействие было невозможно, что выливалось в чрезвычайно пристальное (даже по меркам эпохи) внимание к деталям церемониала. Стремление поддержать статус своего государя с русской стороны иногда принимало довольно brutальные формы, вплоть до того, что польских послов стаскивали с лошадей, когда они стремились проехать хоть чуть далее предписанной для спешивания дистанции [там же: 143–144]¹⁶. Уже упоминавшийся имперский дипломат Герберштейн чрезвычайно гордился тем, что обманул москвитов — притворился, что слезает с коня, но быстро забрался обратно в седло, когда его русские «встречники» уже стояли на земле [там же: 90].

Допускаемых к царю дипломатов обезоруживали, царь при приеме послов сидел, в то время как послы стояли, а само посольство все время пребывания в России обеспечивалось провиантом русской стороной. Все это в совокупности однозначно маркировало русский церемониал

¹⁶ Подобные практики церемониального унижения отнюдь не являлись уникальной особенностью «дикой» Московии. Достаточно упомянуть, сколько протестов со стороны европейских дипломатов вызывала церемония коутоу (требовалось поклониться так низко, чтобы голова достигла земли) при аудиенции у китайских императоров еще в XIX веке [Frevert 2019].

как «восточный» — османский султан точно так же обезоруживал, кормил и сидя встречал европейских дипломатов [там же: 179]. Своеобразного апогея функция репрезентации доминирования средствами дипломатического протокола достигла при Алексее Михайловиче. Второй царь из династии Романовых стремился, с одной стороны, частично приблизить визуальный облик русского монарха к образцам, заданным Людовиком XIV, а с другой — пытался сделать дипломатический протокол еще более жестким. Царь намеревался заменить ряд предметов, выполнявших церемониальную функцию: «...в росписи посланной из Тайного приказа агент царя И. Гебдону, указывалось купить “кружив, в каких ходит шпанский король, и французской, и цесарь, протазанов, с какими перед ними и около них ходят <...> труб и литавр королевских <...> кореты дорогие королевские»» [Черная 2013: 81]. Вместе с тем русский царь стал требовать от европейских послов являться на аудиенцию с непокрытой головой, хотя ранее присутствие послов в шляпах вполне допускалось [Юзефович 2011: 179]. Наличие головного убора позволяло проводить с ним различные манипуляции в зависимости от степени уважения, которую необходимо было продемонстрировать контрагентам: «...царь шапку снимал и вставал при “сказывании поклона” — к императору, султану, шаху персидскому, крымскому хану и польскому королю; шапку “приподнимал” и привставал — к королям испанскому, французскому и шведскому; сидя и шапку не снимая — к курфюрсту бранденбургскому и герцогу Курляндскому» [Агеева 2012: 141].

Петр I вполне осознавал значимость для укрепления своей власти и статуса как церемоний вообще, так и дипломатического протокола в частности. Если внутри страны, расшатывая устоявшиеся символические иерархии, можно было прибегать к довольно brutальным мерам — от Всепьянейшего и Всешутейшего собора¹⁷ и пародийных титулов¹⁸, — то на международной арене требовалось действовать тоньше. Отправление русского царя в Великое посольство инкогнито, помимо

¹⁷ Как указывает Эрнест Зицер, Собор имел вполне рациональный характер: «Церемониал, антураж и постоянно расширяющаяся топография этого игрового мира <...> объединяли ближайших сподвижников царя и обозначали границы его ближнего круга» [Зицер 2008: 11].

¹⁸ Анализ присвоения Петром I пародийных титулов проведен Б. А. Успенским и О. И. Хоруженко [Успенский 2014; Хоруженко 1999]. В свете обсуждавшейся в предыдущем разделе темы наиболее значимым актом такого рода является единственное в своем роде присвоение пародийного титула российского курфюрста [Хоруженко 1999: 51].

прочего, имело своей целью стремление избежать неизбежных протокольных споров о статусе русского царя в европейской статусной иерархии в ходе встреч с европейскими правителями. В свете обсуждаемой в предыдущем разделе темы наиболее важной частью Великого посольства было посещение Вены в 1698 году. Посещение номинально самого могущественного христианского двора не обошлось без символических дуэлей. Посольство продержали без аудиенции около месяца, поскольку необходимые на официальной церемонии подарки для императора еще не прибыли из Москвы. Затемдвигающейся к императорскому дворцу русской процессии пришлось ждать несколько часов, пропуская колонну солдат. Петр I не остался в долгу и нарушил тщательно согласованный порядок неформальной аудиенции (царь находился в Вене все так же инкогнито): стороны должны были появиться с двух сторон зала одновременно и встретиться ровно посередине. Петр I быстрым шагом вторгся на половину Леопольда I и обратился к нему с приветствием на русском языке. Император также попробовал поразить «московита» грандиозным маскарадным балом “Wirtschaft”, который до этого не проводился более двадцати лет из-за войны с турками [Шварц 2022].

По возвращении из Великого посольства в Москву царь отменил ряд «восточных» элементов церемониала и начал встречать европейские посольства с непокрытой головой и стоя [Агеева 2012: 140–141]. Это немедленно привело к церемониальным конфликтам уже с «восточными» странами из-за непродуманной унификации протокола. В 1704 году при приеме посольства Мустафа-аги турецкий посол настоял на ряде изменений в протоколе, указывая, что церемониал встреч имперского посольства «“ему не в пример”, так как его государь — глава “всем мусульманским государям” и также “над христианскими государствами первенствует, понеже святым градом Иерусалимом владеет”» [там же: 308–309]. Сама аудиенция тоже прошла с рядом инцидентов, посол был крайне возмущен тем, что ему не предложили сесть, хотели заставить кланяться и грамоту султана принял не царь, а министр [там же: 313–314]. Русским церемониальным ведомствам пришлось переработать протокол для «восточных» стран, чтобы избежать подобных инцидентов в будущем.

Постоянно находящийся в движении в ходе Северной войны Петр I довольно сильно упростил протокольные требования, но в своих дипломатических поездках всячески старался подчеркнуть свой высокий статус. Хорошим примером будет поездка во Францию в 1717 году. Петр I отказался от покоев в Лувре и поселился в отеле «Ледигьер», который временно приобрел некоторые экстерриториальные черты. Е. М. Болту-

нова предполагает: «Царь, вероятно, совершенно осмысленно уклонялся от предлагаемого ему статуса почетного гостя в Лувре, стремясь создать свое, пусть и временно, но исключительно ему принадлежащее пространство. Посредством простой, но эффективной манипуляции он смог изменить ход событий: выстроенная таким образом дистанция между русским царем и пространством французской королевской власти задала иные нормы поведения, поскольку Петр I, став временным хозяином дома, по сути оказался (на этом локальном уровне) в статусе хозяина, а не гостя» [Болтунова 2020: 140]. Это было чрезвычайно значимо в контексте претензий Петра I на императорский титул. Сергей Мезин указывает, что «в архиве Министерства иностранных дел Франции сохранилась приуроченная к визиту записка “О титулах”, в которой подчеркивалось, что царя ни в коем случае нельзя приравнять к императору, как это делают русские, и именовать Императорским Величеством» [Мезин 2015: 103]. Несмотря на свою кипучую энергию, Петр I безвылазно просидел в отеле три дня, сперва встретившись с регентом Франции герцогом Орлеанским и затем дождавшись, пока ему первым нанесет визит малолетний Людовик XV. Обоим правителям были подготовлены одинаковые кресла, причем французский король сидел на более почетном месте справа. Самой известной частью встречи стало то, что царь внезапно поднял маленького короля на руки — этот сюжет будет популяризован французским живописцем Луи Эрсаном. В своем письме супруге Петр I характеризовал эту встречу так: «...визитовал меня здешний каралица» [цит. по Мезин 2015: 105]. И только после этого визита, который в понимании царя надлежащим образом разметил символическое пространство, Петр I смог приступить к осмотру городских достопримечательностей и рабочим встречам с французскими садовниками.

Подобное сочетание сигналов, выражаемых в виде церемониала — показное равенство со скрытой претензией на доминирование, — установленное Петром I, станет характерной чертой русской дипломатии в Европе XVIII века. Включенность в европейское символическое пространство будет главным приоритетом, но и необходимость демонстрации превосходства никуда не исчезнет. В 1768 году граф Никита Панин в письме к главе французской дипломатии герцогу Шуазелю по поводу очередных споров об императорском титуле указывал:

Российский самодержец признает себя всеконечно независимую главою многочисленного народа, и сильным монархом областей про-

странных, приобьк он не признавать выше [себя никого] токмо единого Бога; и сие мнение, яко существенное с самодержавством, неотделимо с ним пребывало и тогда, как он вступил в сношение с другими европейскими государями. Петр Великий, который начал и довольно установил продолжение такого сношения, места не уступал никому, ктoб каков не был, да он же ни от кого и не требовал, чтоб ему уступали, потому что он сам себя почитал в лице всех глав коронованных; вот каков был его церемониал; таков же был и его преемников [Письмо....: 6–7].

Заключение

Непреднамеренным последствием рассмотренных мной в данной работе процессов было изменение символической структуры всего европейского пространства. Впервые с середины XV века в Европе было две империи и два императора. Установлением династических связей Романовых с европейскими правящими домами и реформой дипломатического протокола Петр I частично заблокировал попытки классифицировать себя как «азиатского» монарха. Не прими он эти меры, царь, вероятно, повторил бы путь османского султана, чьи претензии на титул императора (Kaiser-i-Rum) в Европе отрицались (хотя, разумеется, здесь немалую роль сыграл конфессиональный барьер) [Çolak 2015]. Петровские действия запустили процесс «инфляции» императорского титула. Если его носителей в Европе может быть двое, то почему их не может быть трое? Первым по дороге, открытой Петром I, пройдет Наполеон Бонапарт. «Император французов» железом и кровью убедит европейские правящие дома, что с «корсиканским выскочкой» придется считаться, и, точно так же как Петр I, попытается институционализировать свой престиж через династическую связь с Габсбургами. Далее XIX век увидит появление новых империй и императоров: первого австрийского императора Франца I; нового императора французов Наполеона III; императрицу Индии и королеву Великобритании Викторию; германского императора Вильгельма I. В XX веке дойдет до фарса Центральноафриканской империи Жана Бокассы. За триста лет, минувших с воцарения Петра I, процессы имперского строительства и государственного строительства практически сольются воедино. Таким образом, одной из причин появления современной нам системы суверенных государств является успешный взлом европейской символической архитектуры одним «варваром-московитом», действовавшим сугубо в

эгоистических интересах повышения своего престижа и престижа своей династии.

Однако на протяжении 1721–1806 годов — между рождением второй европейской империи и смертью первой — империи сосуществовали и взаимодействовали между собой. Может ли смещение фокуса анализа в сторону внимания к данному периоду как к эпохе «имперской диархии» сказать нам что-то новое о русской, европейской и мировой истории? Я надеюсь ответить на этот вопрос в будущем.

Литература

Исторические источники

Манифест. Об отрешении от наследия Его Царского Величества перво-рожденного сына Царевича Алексея Петровича. 3 февраля 1718 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 5. С. 534–539. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 02.02.2023).

Письмо гр. Панина к герц. Шуазелю. Относительно императорского титула // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 87. М.: Университетская типография, 1893. С. 4–10.

Россия (история) // История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л.: Наука, 1978. С. 175–179.

Указ. Именной данный Сенату. О бракосочетании Государя Царевича Алексея Петровича. 14 октября 1711 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 4. Стр. 745–746. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 02.02.2023).

Указ. Сенатский. О титуле Государыни Императрицы, Великих Княжн и детей Его Императорского Величества. 23 декабря 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 6. С. 467. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 02.02.2023).

Acta Pacis Westphalicae. URL: www.pax-westphalica.de (дата обращения: 02.02.2023).

Исследовательская литература

Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М.: Новый хронограф, 2012.

Анисимов Е. В. Иван VI Антонович. М.: Молодая гвардия, 2008.

Баггер Х. Петр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений. СПб.: Европейский дом, 2017.

Болотина Н. Ю. Новый взгляд на обстоятельства заключения брака Петра I с Евдокией Лопухиной // Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России». Москва, 17–19 мая 2022 г. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 122–130.

Болтунова Е. М. Свой среди своих / свой среди чужих: Путешествие Петра I в Париж в 1717 г. и формирование топографии власти в России начала XVIII в. // Петр Великий и европейский интеллектуальный мир: циркуляция знаний, взаимовлияние (1689–1727). СПб.: Европейский дом, 2020. С. 129–146.

Гриффитс Д. Был ли у Екатерины II «греческий проект»? // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 349–368.

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох или начало пути: 1697–1698. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Парадигма Герберштейна, или От Царя к Императору: Пролог ко Второму путешествию Петра I. СПб.: Европейский дом, 2021.

Демьяненко М. А. «В погоне за мирной славой»: статусно-ориентированное поведение и реформы Екатерины II: Препринт М-88/21, Центр исследований модернизации. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.

Ефимов С. В. «Совершенная безопасность от всех внутренних и внешних беспокойств». Русская армия в Мекленбурге в 1712–1719 годах // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 года. Часть II. СПб.: ВИМА-ИВиВС, 2017. С. 178–220.

Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Иволина Л. И. Яркий закат Речи Посполитой: Ян Собеский, Август Сильный, Станислав Лещинский. СПб.: Нестор-История, 2020.

Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС; Ленанд, 2015.

Копелев Д. Н. Создание Российской империи и матримониальные замыслы Петра Великого // Кунсткамера. 2022. № 1 (15). С. 12–27.

Корогодина М. В. Власть и подданные глазами духовников XVII–XVIII вв. // Cahiers du Monde russe. 2009. Vol. 50. No. 2/3. P. 327–335.

Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Куприянов А. В. «Вестфальский миф»: история и критика // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019а. № 3. С. 37–50.

Куприянов А. В. «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019б. № 4. С. 11–23.

Курукин И. В. Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2014.

Курукин И. В. Екатерина I. М.: Молодая гвардия, 2016.

Лиштенан Ф.-Д. Петр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи. М.: Политическая энциклопедия; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021.

Логунова М. О. Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф, 2011.

Любимов С. В. Титулованные роды Российской империи: Опыт подробно перечисления всех титулованных российских дворянских фамилий, с указанием происхождения каждой фамилии, а также времени получения титула и утверждения в нем. М.: Фаир-пресс, 2004.

Мартин Р. Э. Невеста для царя. Смотры невест в контексте политической культуры Московии XVI–XVIII веков. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Мезин С. А. Петр I во Франции. СПб.: Европейский дом, 2015.

Павленко Н. И. Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008.

Погосян Е. А. Петр I — архитектор российской истории. СПб.: Искусство — СПб, 2001.

Полиевкетов М. А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира. (1721–1725). СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1907.

Пчелов Е. В. Рюриковичи: история и генеалогия. М.: Академический проект, 2016.

Пчелов Е. В. Романовы: история и генеалогия. М.: Академический проект, 2022.

Рыкин П. О. Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст // *Mongolica-VI*: Сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 28–38.

Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: Изд. дом. гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011.

Толочко П. П. Династические браки на Руси XII–XIII вв. СПб.: Алетейя, 2013.

Успенский Б. А. Графский титул в контексте Петровской карнавальной культуры // *Вивлиофика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*. 2014. Vol. 2. С. 15–23.

Федосов А. В., Раффенспергер К. Королевство Русь. Древняя Русь глазами западных историков. М.: Центрполиграф, 2021.

Флюшкин А. И. Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006.

Флюшкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.

Флюшкин А. И. Проект «Русская Ливония» // *Quaestio Rossica*. 2014. № 2. С. 94–111.

Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М.: Наука, 1999.

Черная Л. А. Повседневная жизнь московских государей в XVII веке. М.: Молодая гвардия, 2013.

Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб.: Типография главного управления уделов, 1896.

Шварц И. Петр I и Великое посольство в Вене // Шварц И. Петр I и Австрия: Исследования о петровской эпохе. СПб.: Европейский дом, 2022. С. 67–90.

Шиппан М. Петр I в Германии. 1697–1717. СПб.: Европейский дом, 2021.

Шишков С. С. Награды России. 1968–1917: в 3 т. Т. 2. Днепропетровск: Арт-Пресс, 2003.

Юзефович Л. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.

Berkis A. V. The History of the Duchy of Courland (1561–1795). Towson, Md.: Paul M. Harrod Company, 1969.

Bruin R. E. de, Haven C. van der, Jensen L., Onnekink D. Performances of Peace: Utrecht 1713. Leiden; Boston: Brill, 2016.

Çolak H. Tekfur, fasiliyus and kayser: Disdain, Negligence and Appropriation of Byzantine Imperial Titulature in the Ottoman World // *Frontiers of the Ottoman Imagination. Studies in Honour of Rhoads Murphey*. Leiden; Boston: Brill, 2015.

Davies N. God's Playground. A History of Poland. Vol. I. The Origins to 1795. New York: Columbia University Press, 2005.

Frevort U. Diplomats: Kneeling and the Protocol of Humiliation // *Encounters with Emotions: Negotiating Cultural Differences since Early Modernity*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2019. P. 133–159.

Hennings J. Russia and Courtly Europe. Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

Kamenskii A. B. Catherine the Great's Foreign Policy Reconsidered // *Journal of Modern Russian History and Historiography, USA*. 2019. No. 12. P. 169–187.

Kim Youngho. Does Prestige Matter in International Politics? // Journal of International and Area Studies, 2004. Vol. 11. No. 1. P. 39–55.

Lieven D. In the Shadow of the Gods. The Emperor in World History. London: VIKING, 2022.

Mercer J. The Illusion of International Prestige // International Security. 2017. Vol. 41. No. 4. P. 133–168.

Stollberg-Rilinger B. Holy Roman Empire. A Short History. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2018.

Михаил Алексеевич Демьяненко

**Романовы входят в Европу: внешняя политика
и статусно-ориентированное поведение
в эпоху Петра Великого**

Препринт М-97/23

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 27.02.2023.
Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.